

ТЫСЯЧЕЛЕТЬЯМ ВОПРЕКИ

Лирика Древнего Египта. Перевод с египетского Анны Ахматовой и Веры Потаповой. Составление, вступительная статья, подстрочные переводы и примечания И. Кацнельсона. Москва, «Художественная литература», 1965. 158 стр.

За много веков до Сафо... За много веков до Горация...

Мы привыкли к обратному отсчету времени. Двадцатый век до нашей эры воспринимается нами, как абсолютная условность, как милая шутка. Но именно двадцатым веком до нашей эры датируется папирус Берлинского музея со стихами, впоследствии названными «Спором разочарованного со своей душой»:

Кому мне открыться сегодня?
Раздолье насильнику,
Вывелись добрые люди.

Кому мне открыться сегодня?
В сердцах воцарилась корысть.
Что толку — искать в них опоры?

Кому мне открыться сегодня?
Нет закадычных друзей,
С незнакомцами душу отводят.

(Перевод В. Потаповой)

«Рассерженные молодые люди» могли бы позавидовать той стройности и ясности, с которыми развивает их мысли безымянный автор Древнего Египта.

Впрочем, пессимизм отнюдь не является излюбленным настроением древнеегипетских поэтов и поэтесс. Для наболевшего сердца есть даже утешение в том, что стихи более поздних периодов (XV—XI вв. до н. э.) за редким исключением — это поэзия любви и счастья.

Анна Ахматова и Вера Потапова сотворили чудо. Произведения, записанные на ветхих папирусах, снятые с полуразрушенных стен гробниц, зазвучали в их переводе современно и страстно.

Восстановить первоначальную музыку стиха сейчас невозможно. Египтяне не выписывали гласных звуков. О ритмичности стихотворных строк можно только догадываться.

Нецелесообразно сохранять и некоторые особенности древнего начертания стихов. Например, расчленять строфу на строки красными точками.

Переводчики добивались другого. Искали современную форму, но без малейшей модернизации.

Вера Потапова облюбовала ритмичный стих, не стесняющийся, однако, ни однообразием размера, ни равным количеством стоп в строке, ни строгим чередованием ударных и безударных окончаний.

Анна Ахматова рискнула переводить египтян стихом с трудноуловимым, подспудным ритмом. Рискнула, ибо такой шаг чреват опасностью прозаизации. Даже в очень добросовестных, но менее искусных

руках стих мог бы зачахнуть, лишиться напряженности. Строки, переведенные Ахматовой, упруги, как натянутые удила. Вот мольба влюбленного, обращенная к двери, за которой скрыта его подруга:

Дверь! Ты судьба моя,
Ты мой добрый дух.
Там, внутри, для тебя зарежут быка.
В жертву твоему могуществу, о дверь!

На закланье принесут длиннорогого
быка — тебе, тебе, дверь!
Короткорогого быка — тебе, замок!
Жирного гуся — вам, петли!
Жир — тебе, ключ!

Самые лакомые куски быка —
Подмастерьям плотника.
Чтоб он сделал засов из тростника,
А дверь из соломы.

Удивительная вещественность этих и других стихов бьет в глаза. Какие бы высокие материи ни занимали поэтов Древнего Египта, их стихи неизбежно обрастают бытовыми, ремесленническими, природоведческими подробностями. Надо было очень любить жизнь, чтобы приносить ее приметы даже в стихи о загробном царстве: «О Повелитель богов и вечности царь... дай мне хлеба, ячменного пива, дай смолы благовонной и свежей воды с алтаря твоего...»

Психологическая ценность древнеегипетской лирики несомненна. Ее поэтический уровень очень высок.

Хотя авторы любовных стихов неизвестны, спутать их друг с другом невозможно. Женские стихи отличаются от мужских: они богаче оттенками, тоньше детализированы.

Вот типично женское, лукавое, изъяснение чувств:

Было бы славно, вступишь моя мать
в это дело.
Она бы ему запретила глазеть
на меня.
Силится сердце о нем позабыть,
А само любовью пылает!

(Перевод В. Потаповой)

Зато мужские стихи бьют в цель без промаха:

Я не могу сдержать мою лошадь,
В ее теле — буря.
Но я еще могу править,
Лежа поверженный в колеснице.

(Перевод А. Ахматовой)

В зависимости от характера любящих, стихи то исполнены гордыни, то наивно-смелы, то горько-ироничны, то жестоки, то безоглядны. Огромный диапазон чувств!

Мудрость древних давно уже стала притчей во языцех. Но, разобранная на ходячие афоризмы, она нередко выглядит выхоленной, дидактической. «Лирика Древнего Египта» дает ощутить ее первозданную прелесть:

Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых —
У неискушенных совета ищи.

Как изумруд, скрыто под спудом
разумное слово.
Находишь его между тем у рабыни,
что мелет зерно.

(Перевод В. Потаповой)

Не является ли наивысшей мудростью та, которая чурается себя?..

Во вступительной статье к сборнику И. Кацнельсон справедливо утверждает, что в древнеегипетской лирике впервые встречается множество «извечных» литературных мотивов.

Более того, бессмертные поэтические приемы: виртуозные сравнения, неожиданные метафоры, умелое введение прозаизмов в приподнятый стихотворный стиль — все это и многое другое блистательно использовалось египтянами.

И современному поэту сделало бы честь такое дерзновенное обращение со словом, которое проявил автор «Прославления писцов», сказавший об истинных жрецах литературы: «их пирамиды — книги поучений», «их дитя — тростниковое перо», «их супруга — поверхность камня».

В каждую литературную эпоху схоласты пускались в изощренные споры, такие же длинные, как носимые ими ученые мантии, обсуждая, поэтично или нет то или иное слово, не снижает ли оно приличествующий поэту высокий стиль.

А поэт Древнего Египта отважился сказать о любимой женщине:

Хорошо умеет бросать петлю Сестра,
Не заботясь об уплате налога на скот.
Она накидывает на меня петлю
из своих волос,
Она притягивает меня своими глазами,
Она опутывает меня своими ожерельями,
Она ставит на мне клеймо
своим перстнем.

(Перевод А. Ахматовой)

Читая «Плач по усопшим», который начинается как будто благодарностью умершего: «Благословляю тебя, Повелитель богов, за

несчастье, что стряслось надо мною, безгрешным ребенком», а кончается отчаянной мольбой о жизни, я вспомнила Лермонтова: «За все, за все тебя благодарю я...»

Та же интонация. Тот же внутренний мятеж.

Да, художественные завоевания переходят от поэта к поэту через тысячелетия. У отдельных литературных эпох может быть короткая память. У литературы в целом память отличная.

ТАМАРА ЖИРМУНСКАЯ

ГРАЖДАНЕ ТОЙ НАЦИИ, «КОТОРАЯ БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ»

Luis Bernardo Honwana.
Nos matamos o Cão-Tinhoso. Lorenço-Marques, 1964.

Jose Craveirinha. Chigubo.
Lisboa, Edição da Casa dos estudantes do imperio, MCMLXIV.

Су книг бывают разные судьбы. Бывают книги-счастливчики и книги-неудачники. Бывают книги, самодовольно хранящие свое убожество под роскошью позолоченного переплета. Бывают книги-герои, окропленные кровью, овеянные славой высокого мужества. А бывают и такие книги, само появление которых кажется чудом. Таких чудом, как рождение цветка во мраке тюремного двора, истоптанного тяжкими шагами узников. Книги, вышедшие в Мозамбике и в Португалии, несущие живое слово протеста, изданные мизерными тиражами в полуподпольных издательствах, подготовленные к печати руками энтузиастов и борцов, эти книги настоящее чудо.

И вот они лежат передо мной.

Сегодня их две. Может быть, они добрались бы до Москвы раньше, если бы имена их авторов не прозвучали на весь мир в феврале прошлого года как имена арестованных, а в марте этого года — как имена обвиняемых «в подрывной деятельности против единства португальской империи». Телеграфные агентства всего мира передавали сообщения о процессе по делу 23 лиц в то время, как авторы этих двух небольших книг испытывали на себе весь ужас, который выпадает на долю узников в фашистских застенках Португалии и ее колоний.

«Виновен!» — сказали судьи военного трибунала, и Луиш Бернарду Онвана, двадцатитрехлетний юноша, с по-детски округлыми чертами лица и мужественным взглядом, был приговорен к двум годам тюремного за-